

„Новое время”, гор. С.Петербург.
1910г. 11 февраля.

В. Ф. Комисаржевская.

«Когда я думаю о своем призвании, я не боюсь жизни...»

Эти слова из чеховской «Чайки» написала Комисаржевская для моей первой книжки—книжки о ней... И воть сейчась, совершенно расторянный взволнанный изъестемь по телефону изъ редакціи: «Умерла Комисаржевская, напишите некролог», я не нахожу никакихъ воспоминаний, кромъ воспоминаний именно изъ этой маленькой, забытой книжки о нашей любимой артисткѣ, изданной начинающимъ, неизвѣстнымъ журналистомъ въ ея первый бенефисъ.

Это было «до Станиславского», до «настроений», до Чехова, въ дни благодамбренного, казенного репертуара, когда изъ провинции пришла худенькая, тщедушная актриса, dochъ изъвестного пѣвца, пришла «принцесою кочующей и бѣдной», безъ друзей, безъ рекламъ, «безприданницей» для жениховъ дорогого партера и милонершой для нась, скромныхъ абонентовъ Александрины. Принцеса! У нея въ душѣ былъ большой ларецъ съ драгоцѣнными талантами. И она открыла намъ этотъ ларецъ...

— Это—брилантъ, это—нѣжный, душистый персикъ!—говорила про Комисаржевскую Савина. — Ее нужно показать и спрятать въ тепло, въ вату..

Савина была права. Буря погубила Комисаржевскую, нашу милую, незабвенную Чайку!..

Комисаржевская — блестящая комета, пролетѣвшая надъ русской сценой. Начала поздно, кончила рано. Изъ провинціи пришла, въ провинцію ушла. И воть гдѣ-то въ Ташкентѣ разыгралась драма, которую она такъ часто и такъ разно изображала на сценѣ. Эта трагедія называется смертью. Она играла ее много разъ, много разъ умирала, но не пріучила нась къ своей смерти, такой неожиданной, такой горькой... .

Комисаржевская — драма русской драмы. Она въ жизни своей, въ сценической жизни, показала, какъ труденъ, какъ опасенъ подвигъ русской актрисы. У нея былъ театръ, за который ее прозвали «зеленою», думая, что это остроумно, и когда пишущій эти строки сказалъ, что ея Гедда Габлеръ замѣчательна своей строгой и честной оригинальностью—именно честной!—то на него посыпалось обви-

ненія въ пристрастности... Но пристрастничать было не къ чему... Разыгрывалась драма въ драмѣ... Быть созданъ театръ искаций въ сфере искаий, въ тяжелую политическую пору, въ скучный литературный недородъ, съ Мейерхольдомъ и съ прочими маскированными недородами.

— Что сдѣлалось съ Комисаржевской?— спрашивали ея друзья.

Съ Комисаржевской, какъ съ актрисой, ничего не сдѣлалось. Она была талантомъ и осталась имъ до смерти. Но ее «смутили». На Эолову арфу опрокинули большой ушатъ мутной, недородной жизни. Потомъ, какъ миновала въ ней таковая «общественная надобность», ее отпустили, отпустили со всѣми третейскими судами, процесами, описями, со всей газетной шумихой, и позволили умереть гдѣ-то въ Ташкентѣ. Бѣдная, прекрасная русская актриса! Ею будешь гордиться нашъ театръ, не богатый талантами. Его судьба—судьба Комисаржевской. Онь—тоже кочующій, ищущій, описанный больше судебными приставами, чѣмъ историками, случайный, невѣдомо откуда пришедший, невѣдомо гдѣ кончающійся...

Женскіе образы, созданные Комисаржевской, цѣлая вереница, цѣлый хороводъ нѣжныхъ образовъ, склоняется надъ ея гробомъ и благодарно роняетъ слезы на холодное тѣло актрисы... Воть Ларисса, Рози, Клерхенъ, Аихенъ, Фантина—все это блѣдно отпечатанныя въ первой книжкѣ моей видѣнія нашихъ театральныхъ увлечений, но такія свѣтлыя, такія незабвенные!..

Комисаржевская, повторяю,—драма русской драмы. Слезы набѣгаютъ на глаза, когда представляешь ее, когда пишешь о ней... Тамъ, гдѣ-то въ провинціи, погубилось это хрупкое, нѣжное дарование. Тяжелый недугъ подточилъ мятежную жизнь. Бѣдная, прекрасная русская актриса! Ей, ея свѣтлой, мученической памяти, всѣ нѣжныя чувства, всѣ нѣжныя, набѣгающія слова, всѣ искреннія, обильные слезы...

Юр. Бѣляевъ.